

- [Гилберт Кит Честертон](#)
 -
 - [Примечания](#)
- [notes](#)
 - [Note1](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон
Деревянный меч

— Из сборника «Парадоксы мистера Понда» (1937).

Перевод с англ. Н. Трауберг.

Честертон Г.-К. Избранные произведения. В 3-х т.

М.: Худож.лит., 1990. Том 3, с. 416-422.

OCR: sad369 (г. Омск)

—

В деревне Грейлинг-Эббот еще не знали, что началось Новое время, то время, в котором живем и мы. Никто не подозревал, что все именуемое «современным» прокралось в Англию. Собственно, этого не знали толком и в Лондоне, хотя человека два поумней — лорд Кларендон и, наверное, принц Руперт, печальный любитель химии, — чувствовали, что самый воздух изменился.

Более того, по всем признакам, вернулось Старое время. Вернулось Рождество; пало страшное воинство; молодой темнолицый человек с веселой насмешливой улыбкой, которому кричали «ура!» от Дувра до Уайтхолла, возвратил Англии кровь королей. Все говорили, что пришло доброе старое время; особенно же верили в это жители сомерсетской деревни. Но темнолицый человек в это не верил. Веселый король знал, что при нем веселым временам не бывать. Не без причины считал он свою жизнь комедией, ибо комедия — единственная поэзия компромисса. Он понимал, что сам он — компромисс и, как принц Руперт, развлекался игрушками, которым было суждено превратиться в страшные детища нынешней науки. Так играют с тигрятами, пока они не больше таксы.

В деревне Грейлинг-Эббот было много легче верить в возвращение старых времен. Отсюда они, в сущности, и не уходили. Яростные религиозные схватки XVII века сказались здесь лишь в том, что местные жители иногда пытались изловить ведьму, а это бывало, хотя и реже, в средние века. Помещик, сэр Гай Гриффин, славился мечом, как средневековый рыцарь. Он сражался при Ньюкасле, знал поражение, но местная легенда восхваляла его личную доблесть, и в ближних графствах чтили не столько полководца, сколько воина. Так Брюс или Ричард Львиное Сердце славились силой руки, а не силой ума.

Немногое изменилось со средних веков и для учителя Денниса Трайона, прощавшегося со своей школой, ибо сэр Гай пригласил его учить своих сыновей, которые до сих пор умели только биться на шпагах. Тысячи

безымянных нитей связывали Трайона со Старым временем. Он не был пуританином, но ходил в черном. Как Мильтон, он учился в колледже и танцам, и фехтованию, но одевался скромно и не носил шпаги, ибо по неписаному закону учение было как бы служением, а служение — священством. Он носил волосы до плеч, но они были прямые, а дворяне уже водружали на голову вороха чужих кудрей. Его простодушное лицо в ровной рамке волос походило на старую миниатюру. Читал он Джорджа Герберта и Томаса Брауна; и лет ему было немного.

Сейчас он наставлял на прощание ученика, замешкавшегося возле школы, — семилетнего мальчика, смастерившего из двух палочек деревянный меч, которыми мальчики играют в каждом веке.

— Джереми, — печально и шутливо говорил Трайон, — твои мечи все лучше и лучше. Я вижу, лезвие не слишком остро, без сомнения — по той причине, по какой сэра Орландо притупил меч, сражаясь с дамой, чье имя я запомнил. Но великана такое лезвие сразит, как меч в руках достопочтенного Джека. Быть может, это сказка, но это — и притча. Тот, кто добр и смел, победит великана. Того, кто зол и низок, бьют палкой. Но ты — добрый мальчик, и меч у тебя добрый. Только помни, — Трайон быстро и ласково склонился к питомцу,

— меч несравненно сильнее, когда его держишь за лезвие.

Он перевернул деревянный меч и быстро пошел по белой прямой дороге, а мальчик с крестом в руке смотрел ему вслед.

Когда он услышал шаги, он знал, что это — не Джереми. Оглянувшись, он увидел, что ученик и впрямь остался далеко позади, а вдоль изгороди, старой, как Плантагенеты, бежит какая-то девушка. Одета она была с пуританской скромностью, но не в пуританское платье, а волосы, выбившиеся из-под ее капюшона, были светлыми и кудрявыми по той же причине, по какой его собственные были темными и прямыми. Больше ничего примечательного он в ней не заметил, разве что красоту, торопливость и несколько излишнюю бледность. Но дальше, за ней, он увидел весьма примечательного человека, который был пострашней меченосного Джереми.

Высокий важный кавалер, черный на светлом небе, быстро шел по дороге. Из-под его широкополой шляпы, украшенной перьями, падали на плечи завитые волосы; но не это поразило Трайона. У сэра Гая грива спускалась чуть ли не до пояса, потому что он хотел (без должной необходимости) показать, что не принадлежит к пуританам. Сэр Гай украшал шляпу петушиными перьями, потому что у него не было других птиц. Однако он никогда не позволил бы себе подобные телодвижения.

Причудливый человек размахивал шпагой, словно вот-вот метнет ее, как копье. В отличие от двора, жители Сомерсета не привыкли к такому поведению.

Трайон еще удивлялся, когда девушка проговорила на бегу:

— Не сражайтесь с ним! Он всех победил — сэра Гая, сыновей... — Тут она оглядела его и вскрикнула: — Где ваша шпага?

— Там же, где мои шпоры, миледи, — отвечал Деннис по всем канонам Ариосто. — Я еще должен их завоевать.

— Его никто не победил в поединке! — жалобно сказала девушка.

Трайон улыбнулся и поднял свою трость.

— Того, у кого нет шпаги, — сказал он, — нельзя победить в поединке.

Девушка смотрела на него, словно на эти минуты остановилось время, потом метнулась куда-то и исчезла, как лань. Ярдов на сто дальше она вынырнула из листвы, остановилась на мгновение и оглянулась. Именно тогда Джереми Бент, не собиравшийся покидать дивной школы, где не надо больше учиться, кинулся вперед. Любопытство их было оправдано: они узрели небывалую схватку. Шпага скрестилась с единственным оружием, которое пригодно только для защиты.

День был ветреный и солнечный, словом — прекрасный, но до сей поры даже склонный к пасторальной поэзии Трайон не замечал особой красоты ни в небе, ни на земле. Сейчас красота мира потрясла его, как видение, ибо он понял, что видение это скоро исчезнет. Он фехтовал неплохо, но никто не продержится долго, когда нечем нападать; к тому же противник его, побуждаемый вином или бесом, бился не на жизнь, а на смерть.

Деннис Трайон видел английскую землю и дивное английское небо во всей их славе. Так видели природу те, кого он любил. Великие поэты Англии, от Чосера до Драйдена, владели искусством, утраченным позднее: они не описывали природу, но ты ее видел. Когда читаешь: «Сбивайтесь в стадо, облака», нет сомнений, что речь идет о кучевых облаках, а не о перистых. Когда узнаешь от Мильтона, что башня принцессы виднелась сквозь хохлатые деревья, не сомневаешься, что речь идет о весне или осени, когда листьев немного, и дерево похоже на метлу, обметающую небеса. Вот так же отчетливо и неосознанно Трайон видел, что круглые утренние облачка, розовые с одного бока, толпятся и клубятся над холмами, а тихий милостивый лес переходит от серого к лиловому прежде, чем слиться с синевой. Смерть в черноперой шляпе осыпала его сверкающими стрелами; и он еще никогда не любил так сильно божьего мира.

Отбивая каждый выпад, он вспоминал какой-нибудь из своих прежних

дружеских поединков. Когда блестящее жало смерти, не пронзив его сердца, скользнуло вдоль локтя, он увидел лужайку у Темзы. Когда сверканье стали перед глазами едва не ослепило его, он увидел полянку в Мертоне так ясно, словно трава выросла на белой дороге, у него под ногами. Но видел он и другое. Он все яснее понимал, что, будь у него шпага, он давно поразил бы противника. Будь у него шпага, он пронзил бы его, как пронзают ножом пудинг; но шпаги у него не было. Его спасала ловкость, противника же спасало только то, что Деннис дрался тростью. У Трайона был четкий и чистый ум, он мог бы играть две шахматные партии сразу; и сейчас, сражаясь, ученый учитель строил цепь силлогизмов. Вывод был прост: если противник думает, что и у него шпага, он — плохой фехтовальщик; если же он знает, что у него палка, он плохой человек (в наши дни сказали бы «плохой спортсмен»).

И Трайон сделал то, что годилось для обоих случаев, — вспомнив нужный выпад, ударил противника по локтю, снизу, и, пока у того висела рука, выбил его шпагу. Судя по выражению лица, противник без шпаги был беспомощен и прекрасно это знал.

— Того, кто низок и подл, — назидательно сказал учитель, — бьют палкой.

Что и выполнил — трижды ударил по спине обезоруженного врага и быстро ушел.

Он не видел, что делал дальше враг, но искренне удивился тому, что делали прочие и златокудрая девушка. Когда Деннис снова двинулся по дороге, толпа взревела, а несколько дворян, находившихся в ней, рьяно замахали шляпами. Как ни странно, после этого все, включая девушку, умчались куда-то, словно спешили сообщить о великой победе.

Когда же он достиг следующей деревни, в каждом окне торчало по десять голов, а женщины бросали цветы, падавшие на дорогу. У ворот помещичьего парка, украшенных каменными грифонами, его поджидали триумфальные арки.

Сам прославленный хозяин вышел к нему навстречу. Как и грифоны, он походил и на льва, и на орла. Его львиная грива была белой, орлиный нос — багровым. Грозный и рассеянный взгляд навел учителя на мысль о возможной причине поражения; но помещик держался так прямо, пожал ему руку так крепко, поздравил его так сердечно, что сомнения исчезли. Будущие ученики глядели на пришельца с обожанием, а он, взглянув на них, отчаялся в том, что они когда-нибудь постигнут латынь и греческий, но ясно понял, что каждый из них мог бы сбить его кеглей. И недавний триумф показался ему непонятным и сказочным, как арки.

«Странно все это, — думал он. — Я неплохо фехтовал, но и не так уж хорошо, Смит и Уилтон меня превосходили. Быть не может, чтобы сэра Гай и его сыновья уступали в поединке тому, кого я побил палкой. Наверное, это шутка знатных вельмож, как в занимательном повествовании мистера Сервантеса».

По этой причине он уклонился от похвал, но его чистая душа недолго могла сомневаться в том, что его хвалят от чистого сердца. Сэр Гай и его сыновья, как малолетний Джереми, видели в нем сказочного рыцаря, освободившего край от чудовища.

Люди, глядевшие из окон, не принадлежали к знати; триумфальные арки не были шуткой. Он и вправду стал местной святыней, но не мог понять, с чего бы.

Три вещи убедили его, что это правда. Во-первых, как ни странно, его новые ученики старались изо всех сил. Хэмфри, самый старший и рослый, три раза кряду просклонял *quis* и сбил лишь на четвертый. Попытки Джеффри различить *fin* и *figo* тронули бы камень, а младший, Майлс, искренне привязался к несчастному глаголу *ferre*. [note 1](#) За всем этим Трайон различал то молчаливое почтение, которое дети и дикари питают к победителю. Тогда английская знать не обрела еще столь грубой надменности и радовалась, а не поклонялась тому, что мы зовем спортом. Но мальчики всегда одинаковы, и любимый их спорт — поклонение герою.

Во-вторых, что еще удивительней, его почитал сэра Гай. Помещик ни в коей мере не был приятным человеком. Львиное лицо было прекрасным и уродливым с тех пор, как его рассек страшный шрам; нрав и речь были искренними и злыми с тех пор, как рухнула надежда на воинские успехи. Но Трайон ощущал, что, сложись все иначе, помещик не выказал бы перед ним ни искренности, ни злости.

— Король возвратился, — мрачно говорил Гриффин, — а толку нет. Он привез французских шлюх, которые играют на подмостках, словно мальчики. Он привез ярмарочных шарлатанов, как этот, который побеждал и меня, и всех, пока не встретил победителя, — и он горестно и почтительно улыбнулся Трайону.

— Разве этот джентльмен — из придворных? — робко спросил Трайон.

— Да, — ответил сэра Гай. — Вы видели его лицо?

— Я смотрел ему в глаза, — сказал Трайон.

— Оно размалевано, — сказал сэра Гай. — Вот что делают теперь в Лондоне. И волосы у него чужие. Но дерется он отменно, это я признаю, как признал, что отменно дралось войско старого Нолла. Что мы могли

против них?

Сильнее всего убедило Трайона то, как вела себя девушка, Дороти Гуд. Она оказалась дочерью священника и часто бывала с отцом в поместье, но избегала учителя. Он и сам был робок, и тонкость чувств подсказала ему, что она поистине считает его героем. Будь все это шуткой, в нее непременно посвятили бы прекрасную даму (она казалась ему все прекрасней каждый раз, как мелькала в аллее или за дверью), и роль ее была бы проста. Но она не играла роли; и он поймал себя на том, что об этом жалеет. Наконец он услышал ненароком, как она говорила в соседней комнате сэру Гаю:

— Все думают, что он колдун, но Господь помог мистеру Трайону за его чистоту и доброту...

Однажды, собрав все свое мужество, он остановил ее и поблагодарил за то, что она предупредила его об опасности.

Ее тонкое трепетное лицо стало совсем испуганным.

— Я еще не знала, — сказала она. — Я не знала, что вы сразитесь с бесом.

— Я и сейчас этого не знаю, — сказал Трайон. — Я сражался с человеком, и не очень храбрым.

— Все говорят, что в нем бес, — простодушно возразила она. — Мой отец так говорит.

Она убежала, а Деннис задумался. Чем больше он думал, тем больше убеждался, что рассказ о его поединке превращается в легенду о светлом рыцаре, разрушившем злые чары.

Младший из братьев, Майлс, вечно пропадавший у реки, сообщил, что крестьяне ходят к старой заводи, где некогда топили ведьм. Брат его Хэмфри заметил на это, что ходят они втуне, ибо размалеванный пришелец отбыл в Лондон. Однако часом позже Джефри принес другую весть: колдуна изловили на дороге в Солсбери.

Когда, влекомый любопытством и тревогой, Трайон вышел за ворота, слова эти подтвердились: ему предстал истинный город мертвых. Все жители обеих деревень исчезли с улиц и из окон. Вернулись они под утро и привели человека с заколдованной шпагой.

Нынешние англичане, никогда не видавшие бунта, никогда не видавшие настоящей толпы, не могут себе представить, что творится, когда изловят колдуна. Для тех, кто жил в долине, он был исчадием ада, порабителем, который выше, страшнее, всесильнее и Карла, и Кромвеля. В наше время думают, что ведовства боятся глупые старухи. Для жителей долины суд над чародеем был вызовом Сатане, восстанием добрых ангелов.

Дороти Гуд боялась толпы и схватила Денниса за руку с нежностью и доверием, которых хватило бы ему на всю жизнь. Но ей и в голову не пришло пожалеть колдуна.

Колдун стоял на берегу. Руки ему связали, но шпаги не отняли, не решаясь ее тронуть. Парик слетел, голова стала, как у круглоголовых, и размалеванное лицо казалось мерзким, словно личина Вельзевула. В него швыряли кто чем мог, даже маленький Джереми метнул свой меч, но все попадало не в него, а в реку, куда собирались бросить и его самого.

И тогда в ярком, как молния, утреннем свете воцарился тот редкий, но весьма ощутимый дух, ради которого терпят аристократию и разделение людей. Искаженное шрамом лицо стало скорбным до безразличности. Сэр Гай обернулся к сыновьям и сказал сурово:

— Мы уведем его в поместье целым и невредимым. Вы при шпагах. Обнажите их.

— Зачем? — спросил Хэмфри.

— Затем, — отвечал ему отец, — что он их выбил у нас из рук. — И он вытянул из ножен длинную шпагу, сверкнувшую в утреннем свете.

— Сыновья, — сказал он. — Лишь Богу ведомо, колдун он или нет. Но нам ли мстить дубинкой толпы тому, кто нас победил? Окружим его и выведем отсюда, хотя бы на нас восстала тысяча змиеборцев.

Обнаженные шпаги встали вокруг чародея кольцом остроконечной ограды. Толпа в те дни была смелей, чем сейчас, и меньше страшилась хозяина. Но Гриффинов почитали за доблесть, и силы были равны. Клинок сэра Гая не знал здесь сильнеешего, кроме клинка, бессмысленно висевшего на боку у незнакомца.

Раньше, чем пролилась кровь, пленник заговорил.

— Если кто-нибудь соблаговолит опустить руку в мой карман, — спокойно и холодно сказал он, — мы обойдемся без драки.

Все долго молчали. Все до единого смотрели на того, кто не убоился беса. Смотрела и Дороти; и Деннис выступил вперед. Он извлек из кармана у колдуна сложенный лист бумаги, развернул его, стал читать, и на его молодом, круглом лице проступило удивление. Читая третью фразу, он обнажил голову. Толпа глядела на него. Царило молчание, и самый воздух остывал.

— Это частное письмо, — сказал наконец Трайон, — и я не вправе читать его вслух. Его Величество предлагает и дозволяет сэру Годфри Скинни испытать новую шпагу, изготовленную Королевским обществом согласно наставлениям лорда Верулама, основателя натурфилософии и знатока естественных наук. Клинок ее намагничен, и, по предположениям

ученых, она может выбить, точнее, вытянуть из рук любое оружие.

Сэр Гай обернулся к нему.

— Вот такие науки, — спросил он, — называют у вас естественными?

— Да, — растерянно отвечал Трайон.

— Благодарю, — проговорил сэр Гай. — Моих сыновей можете им не учить.

Он подошел к пленнику и рванул его шпагу так, что лопнула перевязь.

— Если бы писал не король, — сказал он, — я бы швырнул в реку и вас.

И магнитная шпага, изготовленная учеными, исчезла навсегда от человеческих взоров; а Трайон, глядя на воду, видел только, как борется с тяжким течением маленький деревянный крест.

Примечания

Кларендон Эдвард Хайд (1609 — 1674) — английский политический деятель и историк.

Руперт, печальный любитель химии. — Имеется в виду принц Руперт (1619 — 1682), двоюродный брат Карла II, пытавшийся усовершенствовать порох и изобретший новый сплав меди.

...вернулось Старое время. — Речь идет о т. н. Реставрации — возвращении королевской власти (1660) после падения республиканской власти.

...молодой темнолицый человек... возвратил Англии кровь королей.

— Имеется в виду Карл II Стюарт (1630 — 1685).

Герберт Джордж (1593 — 1633) — английский поэт.

Браун Томас (1663 — 1709) — английский поэт-сатирик.

Орландо — герой поэмы итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474 — 1533) «Неистовый Орландо» (1516).

Драйден Джон (1631 — 1700) — английский поэт.

Королевское общество — самое старое научное общество Великобритании, основано официально в 1660 г.

Верулам — Фрэнсис Бэкон барон Верулам (1561 — 1626) — английский философ, государственный деятель и ученый.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Note1

Который; выдумываю; пронзаю; носить (лат.).